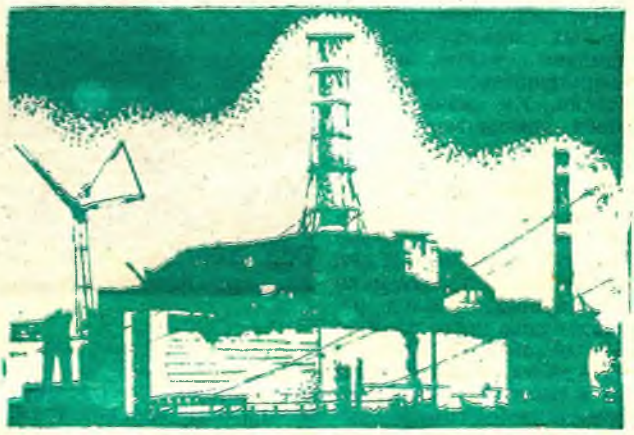
ПОМОЛИМСЯ О САРКОФАГЕ!

ПУТЕШЕСТВИЕ ЖУРНАЛИСТКИ ПО ЭПИЦЕНТРУ АТОМНОЙ КАТАСТРОФЫ



МАЛИНОВЫЙ ЦВЕТ

Ну прямо оторопь берет в первое мгновение: угнетающе темно-серый снаружи «саркофаг» внутри оказался малиново-красным. Нелепо пламенели стены и потолок, даже полы. Словно бы кто-то злой и насмешливый взял да и «вывернул» наизнанку скорбный, но в яркой обивке гроб.

Что и сказать, веселенькая получилась усыпальница у разбушевавшегося атома! И до сих пор еще безумный под многотонной громадой вываленного на него бетона, ох, как бесновался он в ту роковую ночь!

Так не отсвет ли полыхавшего до утра пожара запечатлелся на давно остывших стенах? Или «забрызгали» их убийственными снопами искр малиново-красные фейерверки горящей графитовой кладки? А может, то подзабытый цвет победных знамен бесславно усопшего социализма «Даешь любой ценой! В кратчайший срок!».

— Все куда прозаичнее, — говорит Андрей Кравцов, заместитель начальника отдела эксплуатации объекта «Укрытие» (так не менее прозаично называется в официальных бумагах «саркофаг»). — Малиново-красный цвет имеет пылеподавляющая смесь, которой мы вот уже три года дважды в месяц омываем помещение.

ЕСТЬ К «ЯДЕРНОМУ МЕРТВЕЦУ» ПРОХОДНАЯ

Мысль побывать в «саркофаге» появилась у меня еще во время посещения в прошлом году Чернобыльской АЭС академиками Украинской экологической академии наук. Исходившая тогда от праламента угроза закрытия атомной станции казалась вполне реальной. И ученые мужи, воочию удостоверившись в сегодняшней безопасности ЧАЭС, а заодно и (чего уж там — дело прошлое!) подпав под неотразимое обаяние убежденности бывшего генерального директора ЧАЭС Николая Сорокина, обсуждали, как бы отвести ту беду от терпящей энергетический голод Украины?

Нас сфотографировали тогда у «саркофага» (вернее, на его фоне), когда я вдруг увидела выведенное огромными буквами слово «проходная». Туда входили облаченные в белые одежды люди.

— Смена пошла, — буднично бросил в ответ на мое недоумение кто-то из работников станции.

Гм, а я-то, наивная, полагала, что «саркофаг» — могила, и только изредка пробираются в него для своеобразной эксгумации «ядерного мертвеца» ученые...

ДОЗИМЕТР ЗАШКАЛИВАЕТ. СПО-КОЙ-НЕНЬ-КО!

Из досье автора. В конструкцию объекта «Укрытие» уложено 220 тысяч тонн металлоконструкций. Сооружение создавалось в экстремальных условиях, поэтому не удалось достичь его полной герметичности. Общая площадь щелей и отверстий в реакторной части равнялась семистам квадратным метрам. Сейчас близка к завершению работа по герметизации «саркофага». Основные элементы «Укрытия» опираются на уцелевшие после взрыва конструкции, долговременная несущая способность которых не может быть точно определена из-за тяжелой радиационной обстановки и наличия завалов. По тем же причинам не ко всем новым конструкциям возможен доступ для осмотра и укрепления. «Укрытие» рассчитано на сейсмическое воздействие до 6 баллов. За прошедшие годы были проведены большие строительные работы по укреплению конструкций, находящихся в аварийном состоянии. Срок службы объекта определен в тридцать лет.

...Что уже и не надеялась на свое близкое свидание с «саркофагом», что шагу не давали ступить без сопровождающих и специальную программу моего посещения имели в отпечатанном виде, что, как космонавта, торжественно, всем санпропускником облачали в белые одежды, двойные резиновые «луноходы» помогали натягивать. — Надо ли рассказывать? Хотя, как выяснилось, параллель с космонавтом только процедура одевания и выдерживает. А что до самого костюма, то вряд ли какой другой пока, кроме космического, действительно защищает от радиации.

Сопровождающий Андрей Кравцов, правда, более оптимистичен относительно костюма. Сообщив же, что родом из Донбасса, горняцкого то бишь племени, и совсем не оставляет секрета: да уж, атомщики под стать шахтерам — смелые ребята!

Мы стоим у самого «саркофага», и начальник отдела внешних связей ЧАЭС Сергей Павловский замеряет фон — 30 тысяч микрорентген в час (допустимая норма — 25 микрорентгенов в час). Искоса поглядывает в мою сторону, наблюдая за реакцией. «Ого-го!», — честно сказать, внутренне встрепенулась я. Но своя охота — пуще неволи, и потому пытаюсь сохранять хладнокровие: спо-кой-нень-ко! В тех помещениях «саркофага», посещение которых оговорено для меня «протоколом», будет почище, — обещает кто-то. И совсем не врастяжку, а в темпе рассказывают: на объекте «Укрытие» работает ежедневно до ста человек, а вообще-то в шта-

(Окончание на 2 стр.)

ПОМОЛИМСЯ О САРКОФАГЕ!

(Окончание. Начало на 1 стр.)

те почти шестьсот. Треть персонала, представьте, женщины! Они выполняют в основном функции дезактиваторщиц — грубо говоря, уборщиц тех самых, не составляющих загадки даже для школьника, радионуклидов. Если слабый пол выведут из «саркофага», как похоже поступили когда-то с женщинами, работавшими в шахтах, то повторится банальная болезнь маленьких шахтерских городков: женская безработица. Славутич с населением 25 тысяч человек, где живут эксплуатационники Чернобыльской АЭС, ничем в этом плане не отличается. В остальном же, пожалуй, — последний прекрасный памятник нашей советской общности и человеческой взаимовыручки, красавец, каких в Донбассе, скажем, нет. С уровнем радиации в Славутиче, поверьте, тоже получше. Куда ниже, чем там, где добывают или — тем более — сжигают тот же уголек.

— А эти вот протянутые до самой крыши «саркофага» шланги, — показывает Кравцов, подведены к установленным на ней форсункам. К ним-то и подается пылеподавляющая жидкость, которая в случае обрушения строительных конструкций и поднятия пыли начнет разбрызгиваться автоматически. Но сначала сработает компьютерная система радиационного контроля «Шатер».

Из досье автора. До сих пор меры по пылеподавлению и укреплению строительных конструкций позволяли практически предотвращать выход радиоактивной пыли за пределы объекта. В 1990 — 1991 годах он был более чем в тысячу раз меньше, нежели допустимый выброс работающего блока АЭС. Однако, как считает академик АН Украины Эмлен Соботович, с течением времени вероятность крупных обрушений внутри саркофага может возрастать, а физико-химические процессы, происходящие с лавой, могут привести к возрастанию количества топливной пыли.

ТАК РУХНЕТ ИЛИ НЕ РУХНЕТ?

Рассказывает Лев Лапшин, начальник строительно-монтажного управления НПО «Припять»:

— У меня, руководившего возведением объекта «Укрытие», тревоги за внезапное обрушение нет. Не претерпела изменений и моя собственная оценка долговечности сооружения, идущая вразрез с официальной. Она, официальная, явно занижена. И, несмотря на то, что в «Укрытии» достаточно вроде бы небезопасных с точки зрения строителя мест, убежден: он еще простоит! Сейчас вот пришло время и готовимся заменить стальную опору одной из 80-метровых балок, на которых держится кровля центрального зала. Изъян — смятый металл — был замечен года три назад, но особых опасений не вызывал. Теперь, когда мощность радиационного поля уменьшилась там до 8 рентген в час, сумеем, наконец, подойти к опоре поближе. Но работать будем, разумеется, не иначе, как дистанционно...

Виталий Толстоногов, заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС по объекту «Укрытие»:

— Полагаю, что никто не может сказать со всей определенностью, сколько еще простоит «саркофаг». Но со строительством «саркофага-2», считаю, все же запаздываем... Сказать же, что если завтра мы не начнем, то обязательно что-то случится, — так же безответственно, как говорить, что не случится никогда. И то, и другое можно утверждать с абсолютно одинаковой степенью обоснованности.

Михаил Уманец, председатель Государственного комитета Украины по использованию атомной энергии:

— Да это же невозможно, чтобы строительный объект, возведеный в столь короткий срок и на пределе человеческих возможностей, не вызывал опасений. Мы, к слову, никогда и не скрывали, что из-за очень высокой радиации не сумели даже обследовать все конструкции. И потому просто обязаны предполагать и бояться их обрушения. А еще больше — выброса через щели большого количества топливной пыли. Но, в отличие от скептиков, убежден, что даже находящемуся в пятидесяти километрах Славутичу ничего не угрожает. Разве что возникнут осложнения для обслуживания самой станции. Особенно же будет ощутима и неприятна, в случае ЧП, потеря в «саркофаге» нормальных рабочих мест для профессионалов, которые там работают. Огромные средства и огромные человеческие усилия потрачены на дезактивацию основных помещений, чтобы все опять начинать сначала...

ТОЛЬКО СУМАСШЕДШИЕ НЕ ВЕДАЮТ, С ЧЕМ ИМЕЮТ ДЕЛО

Было время перерыва, и уже отобедавшие слесарь Иван Шевчук и электросварщик Владимир Красноперов сидели за длиным массивным столом посреди бытовки и, чувствовалось, скучали. Ни тебе домино, ни цигарки.

— Тоже скажете, курить в «саркофаге»! — возмущается моим недомыслием один из них. — Эта привилегия — курить на рабочем месте — дана лишь начальнику смены станции и операторам щитов управления на блоках. Они там ядерными реакторами руководят. А мы кто? Мы рядовые, и в зависимости от радиационной опасности помещения, в котором работаем, иной раз всего минут на десять в «саркофаге» и задерживаемся.

Зарплата? Она на Чернобыльской АЭС всего лишь в два раза выше, чем на любой другой атомной. Ну, так на любой другой и во всем мире такого могильника нет.

По четвергам в этом актовом зале, как иронично назвал бытовку начальник смены Владимир Исиров, проходят совещания по вопросам, связанным с проблемами «Укрытия». Приезжают подрядчики и тогда становится шумно. Но кто-нибудь из своих обязательно тут же спохватывается: «Громко не разговаривать!». Непреложное альпинистское правило — не провоцировать криком лавину в горах — действует здесь, как мне рассказывали, негласно. Нет в этом добровольном ограничении и без того работающих по регламенту мужественных людей ничего страшного или надуманного. Я поняла: они просто лучше многих знают, с чем имеют дело. Не секрет и то, что стеклообразная лава, которая протекала в момент аварии в нижние помещения реакторной установки, содержит 135 тонн ядерного топлива. Количество радиоактивной пыли оценивается в 10 тонн.

ТРИ МИНУТЫ НА РЕКВИЕМ

Все — разговоры в сторону. Плотнее укрепляем на лицах «лепестки», которые, как могли, служили еще ликвидаторам катастрофы в 1986 году, и — вперед! Движемся к отметке шесть метров, в помещение пульта управления теперь мертвого блока № 4. Сначала идем довольно широким коридором, называвшемся когда-то, как и в ныне действующих энергоблоках, «золотым». («Виноват» тут цвет металлической обивки стен и ничто другое). Стены коридора и каких-то полуподвалов, куда мы периодически спускаемся, далеки от былой парадности. И — разрушения. Искореженная система энергообеспечения, мятые металлические желоба... Даже перил нет на крутых лестничных маршах.

— К стенкам не прикасаться! — звучит запоздалая команда.

И хотя руки вроде бы надежно защищены двумя парами перчаток, спохватившись, безропотно подчиняюсь.

Но перчатки-то уже «грязные»!

С жалостью смотрю на свой запятнанный ими, получается, диктофон. Да, так крепко ему ни разу не доставалось.

Вот и пульт.

— Находимся здесь не более трех минут, — звучит новое предупреждение.

Сосредоточиваюсь и пытаюсь представить, что чувствовали застигнутые врасплох взрывом люди. Как метались они от провала к провалу в клубах шипящего пара и кромешной тьме. Как гнулся и скрежетал металлический каркас, отчаянно мигали разноцветные индикаторы, — разбитые, а большей частью унесенные потом в качестве сувениров ликвидаторами... А фейерверки, вспоровшие ночное небо? То были осколки активной зоны реактора со всем набором трансурановых элементов, накопленных в облученном топливе. В атмосферу попало в пятнадцать раз больше продуктов деления, чем после взрыва атомной бомбы в Хиросиме.

Это станет известно спустя не один год, как замалчивалось поначалу многое и многое. Но вряд ли узнаем мы когда-нибудь, как и где принял свою жуткую смерть находившийся на посту старший оператор Валерий Ходемчук. Его так и не нашли... Навеки погребенным остался он в этом огромном «саркофаге», какого не имел до сих пор над могилой никто из живших на земле.

Реквием! Реквием по всем, не дожившим до сегодняшнего дня атомщикам, пожарным, ликвидаторам!

МОЖЕТ ЛИ СЛУЧИТЬСЯ НОВЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ?

Что на атомной станции, как в действующей армии, не в ходу джентельменское правило пропускать даму вперед, усвоить успела. Но жажда впечатлений и журналистская любознательность подводят. И я как-то так привычно беру инициативу, первой трогаюсь с места, направляясь в соседнее помещение.

— Куда это вы? Дальше не положено. Программа пребывания для вас окончена, — непоколебимы оба моих сопровождающих.

Признаюсь, чуть не заплакала от досады. Что я, в принципе, увидела? Так рваться сюда, увлекшись новой темой!.. И — пожалуйста!

Понуро бреду за своими поводырями. Возвращаемся-таки...

Не знаю, что в итоге проняло главного инженера ЧАЭС Виктора Васильченко, когда я ему звонила из бытовки (может, помогли и слезы в голосе?), но — каков джентельмен из Одессы! — он сдался.

...Десять минут было позволено на новую дорогу и осмотр помещения, из которого ведется бурение развала центрального зала. Вот он, самый эпицентр крупнейшей атомной катастрофы. Там, насколько возможно, замуровано содержащее основную радиоактивность ядерное топливо. Мы находимся в каком-то десятке метров от разрушенного реактора. Мощность дозы на поверхности залившей его топливосодержащей лавы до 3 тысяч рентген в час. Но, отгороженная толстым бетоном, она аукается на дозиметре всего лишь микрорентгенами — 15 тысяч. Полутемно и холодно. Но, кажется, исходит из ядерного чрева реактора так же, как, говорят очевидцы, в момент аварии, неестественно белое свечение... Холодный свет могилы. И — невероятная, звенящая в ушах, какая-то действительно могильная тишина.

Это — основное технологическое помещение, здесь регулярно работают ученые межведомственного научно-технического центра (МНТЦ) под эгидой Национальной Академии наук. Их задача — научное и проектное обеспечение безопасности объекта «Укрытие». И если каких-то три года назад можно было лишь брать для исследования керн и наблюдать за изменениями в развале через перископ, то нынче и фильмы снимать — не проблема. До артистичности «пронырлива» созданная учеными отделения ядерной и радиационной безопасности МНТЦ крохотная, величиной с большой палец руки, видеокамера. Но никудышнее финансирование — всего семь процентов от запланированной суммы — способно в зародыше убить и самую смелую научную мысль. Не на что купить даже видеокассеты! Практически остановилось создание роботов, без которых не заглянуть в труднодоступные и с высокой радиацией места.

Уместно, очень уместно спросить: куда уплывают наши, налогоплательщиков, денежки? Тем более, что топливосодержащие массы стали с недавних пор представлять новую опасность и требуют постоянного наблюдения. Если в первые годы после аварии они были настолько твердыми, что пробы для анализа приходилось отстреливать стрелковым оружием, то теперь лавы растрескиваются и продуцируют ту самую топливную пыль, выбросов которой следует опасаться. И другое, несравненно более опасное: при взаимодействии с водой остывшие до 40 — 42 градусов топливосодержащие массы больше ее не выпаривают, а взаимодействуют с ней.

Рассказывают, как при ликвидации аварии в высоких радиационных полях роботы «сходили с ума». Теперь они теряют «разум» в лабораториях ученых от безделья, а те, сидя на скудном бюджетном пайке, вынуждены заниматься диагностикой безопасности объекта «Укрытие» допотопными методами и приборами.

Александра ТЫЧИНСКАЯ.

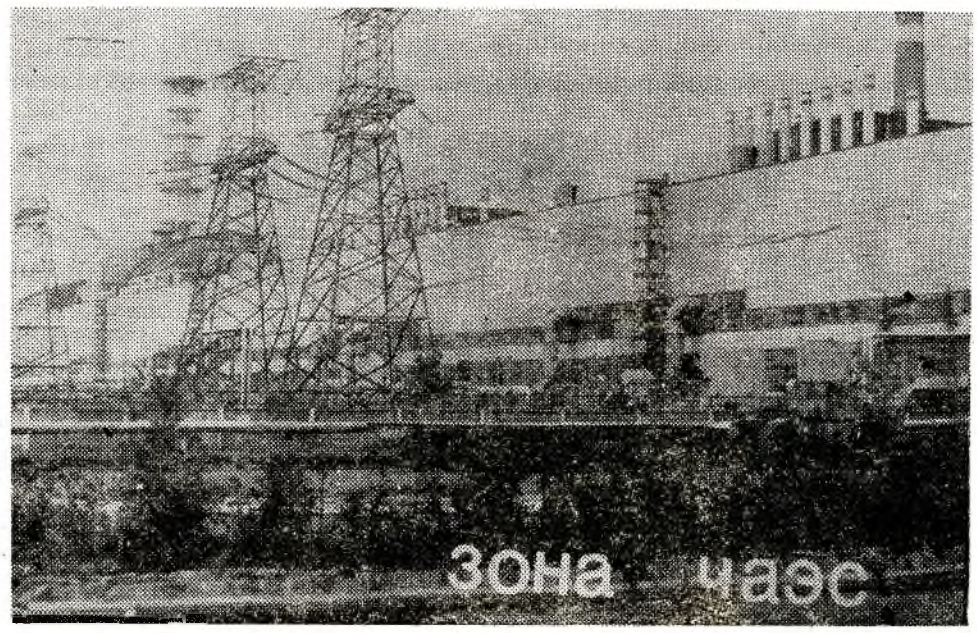


Фото ликвидатора **Георгия ОВСИЕНКО.**